

Пешеходные литературно-краеведческие маршруты с известными томскими писателями.
Чаепитие с шишковскими пирогами на террасе Дома искусств, беседа с писателем.

ГРАФИК ЭКСКУРСИЙ НА АВГУСТ

- 1) **4 августа.** В.М. Костин «Экскурсия по роману «Колокол и болото».
- 2) **11 августа.** Д.В. Барчук «Тайна томских подземелий (по роману «Грустина»)».
- 3) **18 августа.** В.М. Крюков «Потанин и Адрианов».
- 4) **25 августа.** Н.В. Хоничев «Княжна Долгорукова и Ибрагим Ганнибал - невольные томичи».

Прогулки начинаются от Дома искусств (ул. Шишкова 10) каждое воскресенье в 11.00. Запись и информация об экскурсиях по телефону 52-83-48.

НЕ ТОРОПЛЮСЬ Я НА РАЗДАЧУ ИСТИН...

ТАК НАЗВАЛ СВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР АЛЕКСАНДР САЙБЕДИНОВ. ОН ПРОШЁЛ В УЮТНОМ ЗАЛЕ ОБЛАСТНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА. БЫЛИ ПРОЧИТАНЫ СТИХОТВОРНЫЕ ТЕКСТЫ, СПЕТЫ АВТОРСКИЕ ПЕСНИ, ПОКАЗАНЫ ВИДИОСЮЖЕТЫ. КАНВА ЛИТЕРАТУРНОЙ ВСТРЕЧИ БЫЛА ОЗВУЧЕНА КАК ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ ВРЕМЕН ГОДА.

Александр САЙБЕДИНОВ

МИНИАТЮРЫ

Человек и берег

Человек стоял на берегу реки и о чем-то сосредоточенно думал. Уставшая за день, успокоившаяся вода тихо плескалась у его ног. Вечер был прозрачный и тихий, лишь только теплый летний ветерок о чем-то шептался с молодыми березками. С реки несло свежестью и густым запахом луговых цветов. В светлом, еще по-летнему, небе уже загорались звезды, природа находилась в состоянии торжественного молчания.

Она словно не хотела мешать ему думать. Человек стоял на берегу наедине с природой, наедине с собой. Не было никого вокруг, он и его планета; он и его вселенная. С чем он пришел сюда, о чем он хочет с ними поговорить? Здесь он не генерал, не рабочий, не министр..., здесь он просто ЧЕЛОВЕК! Он - дитя природы, частица вселенной..., о чем он думает, стоя на берегу своей жизни?

Все люди время от времени выходят на него, чтобы оглянуться: кто я, зачем, как я живу, чтобы наедине с беспристрастным судьей-природой, для которой не существует ни рангов, ни чинов, посмотреть на себя, на свою жизнь, а потом, расправя плечи или сгорбленно сутулясь, пойти дальше по жизни.

И вот стоит он, глубоко вдыхая запах реки, запах природы..., чистый запах вселенной..., дышит, дышит жадно, впрок, чтобы воспоминания о тихо плещущей воде, о ласковом летнем ветерке на берегу иногда останавливали его от бесчеловечного человеческого «Дай!». Дай машину, дай кресло, дай деньги, дай, дай, дай! Чтобы в погоне за жизнью он не пробежал мимо неё. Чтобы он жизнь, дарованную ему природой, не разменял на стакан браги или на фирменные подштанники, купленные из-под прилавка.

Он стоит, думает..., здесь на берегу он понимает, что прожигать свою жизнь нельзя - это бесчеловечно. Но хватит ли у него сил? Человек так еще долго стоял на берегу реки и думал, пока вдруг глаза у него не потеплели от каких-то набравших мыслей, они стали чистыми и спокойными, и он, глубоко вздохнув, повернулся и пошел. Только прибрежная галька долго еще провожала его своим гулким в вечерней тишине шорохом.

Человек и ветер

Ветер вырвался из объятий леса, нашумев стаей встревоженных птиц, и усталый, мирно улёгся возле человека, сидевшего на поляне среди цветов. «Нашумел только», - недовольно подумал про себя человек. А ветер тихо, едва заметно, играл лепестками цветов, отдыхал и набирался сил. Он сегодня уже много успел сделать.

Носился над землей, сгоняя облака с живительной влагой в иссохшие от зноя степи, надувал тугие паруса фрегатов, крутил крылья ненасытных мельниц и немного устал. У него не было ни выходных, ни летних отпусков, как у человека, да ему они и не были нужны. Он любил свое дело, вернее, это дело и было его жизнью, а разве от жизни бывают выходные? Ему нравилось носиться над землей, приводя в чувство и зывая к жизни все, что встречалось на его пути.

По утрам он купался в теплых и буйных волнах Индийского океана, затем уносился в жаркие пески Сахары или Кызылкума, поднимая столбы песка и собирая его в барханы. Оттуда, накаленный зноем, он врвался в прохладные леса Беловежской пуши и долго носился там, гоня стаи гомонящих птиц. И вот сейчас он отдохнет немного и опять унесется в пожелтевшие уже леса. Пора освобождать их от листьев, иначе поломают деревья зимой под тяжестью снега.

А человек, молча глядя на мирно раскачивающиеся на ветру цветы, с завистью думал: «Вот кому хорошо живется, каждый день выходной, гуляй - не хочу, что и говорить, одно слово - ветер. Пожить бы так. Вот только шуму бы поменьше, а то несется, летит..., и все тогда будет хорошо. Надо бы ему подсказать», - решил человек. Но тут ветер глубоко вздохнул, зашумел листьями на деревьях и, сорвав с человека соломенную шляпу, прикрывавшую его от солнца, скрылся с ней в ближайшей березовой роще.

Человек и Вселенная

Вселенная, размерено двигаясь в заботливых объятиях Вечности, философски меланхолично, если не сказать, высокомерно нависала над Человеком, и будто от скуки приглашая его к разговору, подмигивала из пронзительной бесконечности мириадами глаз всегда недосыгаемо прекрасных звезд. Человек, словно почувствовав это в прямом смысле высокое предложение, поднял голову и, глядя в чистое звездное небо, подумал: а почему нет? И набрав в лёгкие прохладного ночного воздуха, со всех сил крикнул:

- Что такое Вселенная? - ...я, ...я, ...я, - отозвалась долгим и гулким эхом мерцающая бесконечность. Человек осмелел от ответа и продолжал;
- Есть ли на небе моя звезда? - ...да, ...да! - вновь ответило небо.
- Что может она мне предложить? - Жить!
- Сколько должен жить человек? - Век!
- Что главное, звон монет? - Нет! - человек растерялся и в надежде узнать вновь крикнул;
- А что тогда главное, мечты? - Ты! - отчётливо разнеслось в ночной тишине.
- Как нужно тогда себя наказать, чтобы понять, что такое счастье, ...отнять волю, бить? - ...Любить! - ответила Вселенная пролетевшей звездой.

Человек счастливыми глазами смотрел в звездное небо и улыбался. В этой его безмятежной улыбке появилось столько уверенности в себе и надежды, что Вселенная улыбнулась ему в ответ миллионами звездных систем и галактик и оставила ему эту звездную улыбку сверкающую серебристым Млечным путём, чтобы он хотя бы изредка, поднимал свои глаза к звёздам и там, в небе, искал ответы...

Владимир ШКАЛИКОВ

СТАДО

«Волк, будь он и один, овец отаре целой страшен».
(И.В. Гёте).

Пастухи сели на лошадей и уехали к своему шалашу. Они почему-то решили, что волк будет охотиться ночью.

А волк того и ждал. Выскочил из ближних кустов и бросился к стаду. На бегу выбирал одну овцу, за которой гнаться.

Но стадо не стало убегать. Оно дружно повернулось навстречу и пошло, сомкнув рога.

Волк затормозил всеми лапами.

Вот оно что! Пастухи теперь не боятся за стадо, потому что научили овец обороняться. Небывалое дело!

«А ведь забьют,- подумал волк. - Забодают и затопчут».

Но удирать сразу было стыдно. Это ещё успеется: всё же овце волка не догнать, а стаду - по-прежнему. Сел на хвост и оскалился.

Ему даже было смешно: «Показываю клыки, будто не овцы на меня идут, а такие, как я. Овце в клыках разбираться не надо, у неё рога всё равно больше».

Стадо подошло на десяток своих шагов и остановилось. Вперёд выдвинулся вожак. Проблеял: «Начнём!» и бросился на волка.

Волк успел подумать: «Ну, если по одному...», увернулся от тупых рогов и одним ударом зарезал вожака.

Конечно, он не стал его сразу есть, но и уносить не торопился. Оскалился ещё раз и оглядел стадо: бросаются разом или нет?

Но они, кажется, в самом деле решили - по одному. Передние остались неподвижны, только переглянулись, и ещё один крепкий баран бросился вперёд. Он даже не попытался ударить рогами - просто налетел на клыки.

Так же волк зарезал и третьего, и четвёртого, и пятого, и шестого... Стадо молча стояло, добровольцы по очереди бросались.

Волк умел считать только до двадцати. Поэтому после каждой двадцатой овечки начинал сначала. Потом сбился со счёта. А стадо всё стояло и как будто не убывало.

Волк понял: «Ждут, пока устану. Тогда забодают». Он чувствовал, что устаёт.

Когда промахнулся и добивал очередную овцу вторым ударом, пришла мысль: «Пора уходить». И тут же кто-то сочувственно спросил из первого ряда: «Может, ты устал?»

Тяжело дыша, волк кивнул и сел на хвост.

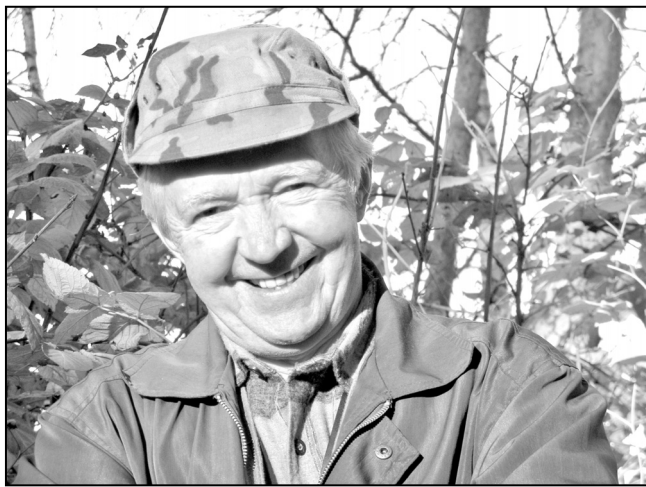
Стадо сказала, чтобы он тогда забирал любую из убитых овец и убирался. А завтра пусть приходит снова.

Волк выбрал овечку поменьше, с трудом забросил на спину и унёс так далеко, как только хватило сил.

До следующего дня он не вставал, но и спать не мог: всё время чудились голоса собак и людей. Только под утро задремал и проснулся к вечеру. В такое время пастухи бдительны. Решил дожидаться следующего утра, плотно поужинал, сменил лёжку и опять забился.

Во сне на него бежали и бежали круторогие бесстрашные овцы. Они были, как сторожевые овчарки, в шипастых ошейниках и скалили длинные медвежьи клыки. Вместо копыт у них были когти, как у барса, по две штуки на ноге. Длинные хвосты этих овец заканчивались змеиными головами и норовили ударить сбоку. Но волк уворачивался от хвоста и от клыков, кусал в пах, и овца падала. Но тут же налетала следующая...

Долго выдержать такой сон было невозможно. Он проснулся при свете уходящей луны. Подумал, что пастухам сейчас особенно хочется спать, и отправился к стаду.

«Владимир Шкаликов пишет фантастику для взрослых и сказки для детей старшего возраста. Приводимый здесь рассказ называется фантастическим, а можно принять его и за сказку, но - для взрослых».

Подкрался осторожно, ожидая засады. Выждал недолго в кустах: не взвизгнет ли собака, не кашляет ли курящий человек, не лягнет ли затвор карабина. Одинокий волк был бит, стрелян, травлен ядами и собаками, ловлен капканами - он знал о людях всё, что надо знать волку.

Опасности в стаде как будто не ожидали, а если и ожидали - голод уже был сильнее волчьей осторожности. И ещё сильнее голода толкало вперёд свежее воспоминание о небывалой резне третьего дня. Расскажи кому - не поверят. Но рассказывать некому: один остался, хитрее и ловчее всех - застреленных, затравленных, закапканенных и удушенных.

Он бросился к стаду, выбирая на бегу, которую овцу схватить и где укрыться, если есть засада.

Уже на втором прыжке стадо заметило его, поднялось и выставило лбы.

Он сел на хвост и оскалился.

Они подошли на десяток своих шагов, и резня повторилась.

Ни одного звука не было издано, пока он не промахнулся. Из поредевшего стада спросили: «Устал?» и отпустили. Но больше приходило не велели: «Теперь будут и ружья, и собаки».

- А эти два раза почему не было?

- Это дело пастухов, - ответило стадо.

- А сами вы почему не защищались?

- Это наше дело, - ответило стадо.

- А если я вас не слушаюсь?

- Это твоё дело, - ответило стадо.

Он выбрал овцу покрупнее и ушёл навстречу едва тлеющей заре.

Он думал день, и второй, и третий. Он думал четвёртый день и не испытывал голода.

Почему?

Овцы могли обороняться, но не стали. Чем же не мила им жизнь? Конечно, они знают, что люди пасут их и охраняют от волков ради своего собственного желудка, ради своих шапок и шуб. Но зачем спешить на блюдо, если можно хоть сколько-нибудь побегать на воле, подышать горным воздухом, пощипать травки?

А сам волк? Он захотел бы, чтоб его пасли? Захотел бы жить в безопасности, но знать, что однажды охраняющие люди перевернут ему глотку, сдерут шкуру, съедят мясо, а внутренности бросят охраняющим собакам?

Но он - волк. Нечего сравнивать. Люди говорят о нём правильно: как волка ни корми, он в лес смотрит.

Ну, а если овцы вдруг засмотрели в лес?

Нет, такое невозможно, а если стало бы возможно, то зачем погибать вот так, всем сразу и без смысла? Убежали бы от людей, стали сами себя охранять - вот это свобода... Глупы овцы. Глупы.

А люди?

Если верить всему прошлому опыту, они ничего не делают без умысла. Значит, оставить стадо без охраны зачем-то было нужно? И второй раз - тоже? Если бы не было нужно, они со всех сторон согнали бы к этому стаду собак, машины и вертолёты. Значит, они ХОТЕЛИ, чтобы волк убил много раз по двадцать овец, и даже согласны были с ним за это расплатиться - по овце за каждую резню. Это не похоже на людей. Или он узнал о них не всё, что надо знать волку.

Весь четвёртый день он думал под гул вертолёт. Но не боялся. Вертолёт опасен бегущему. А если хорошо затаиться - пусть себе гудит, ревет, свистит и щёлкает - не опасен.

Волк чувствовал, что это ищут его. Искали только два дня.

К середине шестой ночи голод поднял его и толкнул на поиски пищи. Опыт запрещал идти к стаду третий раз, предупреждение овец подкрепляло опыт. Но память о двух небывалых побоищах оказалась сильнее. Она не толкала и не тащила, она не звала - она позволяла.

И он пошёл к стаду.

Осторожность прижала его к земле, и он до самой зари пролежал в кустах, прислушиваясь, принохиваясь и присматриваясь.

Заря помогла памяти: осветила овечьи спины. Волк выскочил из кустов и помчался по полю, надеясь не устраивать больше бойню, а выхватить овечку полегче и уйти раньше, чем стадо выставит лбы.

Но стадо не стало выставлять лбы, хотя и заметило его вовремя. Оно повело себя обыкновенно, как положено от века - бросилось врассыпную. Все овцы блеяли одно, и он слышал: «Спасайся, спасайся, спасайся, волк!» Раньше он понял бы эти крики просто: спасайся от волка. Теперь же была причина услышать другое: это ему они кричали, чтобы спасался.

Но он слушался уже только голода. Одним ударом убил самую слабую овечку, на миг задержался, чтобы забросить её на спину, и тут же сильный толчок опрокинул его на траву. Он разжал зубы и стал искать лапами землю, чтобы встать. Но толкнуло ещё раз, и больше он ничего не видел, не слышал и не чувствовал.

Довольно далеко от стада поднялся над скалой стрелок, выбросил из патронника вторую гильзу и стал надевать чехол на трубу, привинченную к карабину.

- Здорово бьёт, - сказал второй, вставая и пряча в футляр полевой бинокль. - После второй так и замер.

- В голову потому что, - ответил стрелок. - Прицел хороший.

Они спустились к волку, не обращая внимания на стадо, которое уже успокоилось и сбилось в тесный круг.

- Готов, подлюга, - сказал стрелок. - Матёрый.

- Жалко его, - сказал второй. - Мог еще быть полезным, да всё стадо на него не спишет.

Они услышали сбоку топот и разом оглянулись.

- Что за чёрт? - успел крикнуть стрелок.

Сомкнув рога, стадо накатилось на них.

27.3.91.

СТИХИ О ПРЕКРАСНОМ МУЖЕ

Из новой книги пародий Олега Кислицкого

Портрет

К.Ф.

Остался у меня
На память от тебя
Портрет твой, портрет
Работы Пабло Пикассо
Онегин Гаджикасимов

У портрета замер я без звука.
Замер и стою как манекен.
У тебя зачем четыре уха?
А семнадцать пальцев на руке?

Я в недоуменье.
Зубы стиснул.
Так-то, уж, наверное, нельзя...

Ну, нашла подруга портретиста.
Он, поди, еще и денег взял!

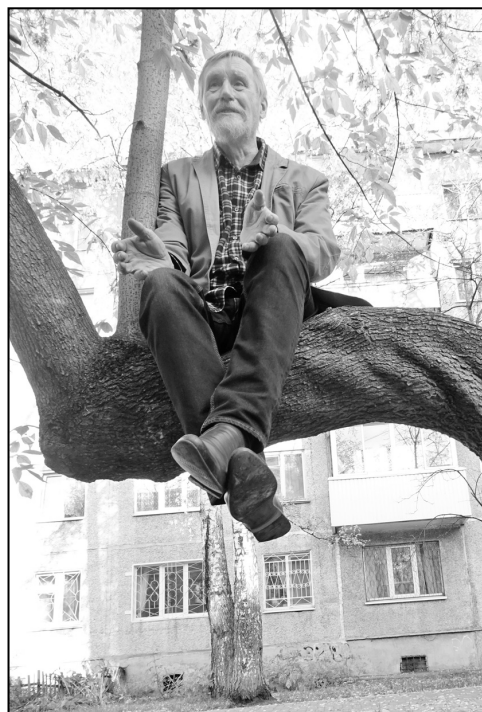
Иди туда, не знаю куда

Весь мир могу я обойти,
Чтобы найти кого-то.
Роберт Бёрнс. Перевод С. Маршака

Бледна, устала и худа,
Уже, вообще-то, долго,
Иду, иду себе туда,
Куда не знаю толком.

Топчу я каменистый путь,
Надеюсь всё на чудо.
Подскажет-нет, мне кто-нибудь
Какого я ищу-то?

Ведь грустно мне, судьбу кляня,
Бродить худой и бледной.
А, ну-ка шлите вы меня
Куда-нибудь конкретно...

Баллада о ерунде

Ты еще молодой.
Ты еще страдаешь ерундой.
Ты же называешься звездой
Только из лести.
Марина Хлебникова

Паренёк, обделенный судьбою,
Явно в жизни хлебнувший беды,
Постоянно страдал ерундою.
И не мог излечить ерунды.

Тым лекарств он испробовал разных,
Кубок горечи выпив до дна.
Ерунда оказалась заразна
И для печени, сволочь, вредна.

Он не спал уж ночами.

Он плакал.

О пути не мечтал уж звезды.
И погиб ни за что бедолага.
От хронической той ерунды.

Так, что каждый проверься два раза,
К ерунде той опаску тая.
А еще опасайся

маразма,
тифа,
коклюша
и лишая!

Стихи о прекрасном муже

А.Г.

Посмотри, как хорош
Муж с которым ты живёшь.
Мария Ерёмкина

Ты сожми его ладонь в своих руках.
Мир представь его богатым, что внутри.
На покрытых недобритостью щеках,
Благодарный поцелуй запечатли.

Ты сейчас не прекословь ему, а верь.
И склонись к нему красивой головой.
Ты же знаешь, что внутри он дикий вепрь.
Хоть и смотрится, как плохонький, да свой.

Так что слёзы умиления утри,
Вряд ли нужно, чтоб текла по векам тушь.
Как прекрасен этот муж посмотри,
Как прекрасен этот муж посмотри,
Как прекра-а-а-а-асен

этот муж!

Камушек

Не ходи к нему на встречу, не ходи,
У него гранитный камушек в груди.
Андрей Громов

- До тебя, - сказал он, - быстро не дойдешь.
Далеко, - сказал он, - слишком ты живешь.
Не приду.

Не стой, не жди меня в тоске...
У меня гранитный камушек в носке.

О чем кричали грузчики

На твоих губах
Я оставлю след.
Александр Воевучский

Она смотрелась, как картинка.
Как куст цветущий хороша.
И только след полуботинка
Красивых губ желать мешал.

Помочь хотелось ей деньгами,
А после мстить за красоту.
- Нельзя!

Нельзя по рту ногами! -
Кричали грузчики в порту.